

Фаршированные сморчки с начинкой из тофу и креветок были скользкими, нежными и упругими, сочетая в себе дары гор и моря; яичница с креветками была нежной и гладкой, а аромат яиц и креветок идеально сочетался с белым рисом, и Чжань Цзюцзян мог съесть три большие миски!

Чжань Цзюцзян весь день ничего не ел, чтобы оставить место для вечернего ужина, и, съев три миски риса, он потрогал свой живот и вздохнул. Раньше он мог съесть пять мисок риса, но теперь, без физической активности, его мышцы начали исчезать, и аппетит уменьшился.

Хотя Чжань Цзюцзян был уже сыт, он все равно хотел еще немного поесть. Он поднял миску и попросил у Лян Цзивэня еще риса:

— Я хочу еще одну миску, совсем немного, совсем чуть-чуть!

Лян Цзивэнь не встал, а просто положил ему немного риса, и как раз собирался добавить еще, когда Чжань Цзюцзян закричал:

— Хватит, хватит, столько достаточно!

Затем он переложил немного риса обратно в миску Лян Цзивэня и быстро схватил большую порцию креветок. Однако, как только креветки оказались в его миске, две трети из них были перехвачены Лян Цзивэнем. Чжань Цзюцзян недовольно уставился на него.

Лян Цзивэнь спокойно сказал:

— Что ты обещал мне днем?

Чжань Цзюцзян смущенно опустил голову и продолжил есть.

В дверь постучали.

Лян Цзивэнь отложил палочки и пошел открывать. Чжань Цзюцзян быстро схватил большую порцию креветок и яиц и положил их себе в рот, даже не взглянув на тофу с мясом. Тофу тоже был вкусным, но по сравнению с креветками он казался ему ничем.

— Здравствуйте, меня зовут Дай Цилай. Скажите, товарищ Чжань Цзюцзян дома? — спросил молодой человек лет двадцати.

— Да, дома.

Лян Цзивэнь отступил в сторону, чтобы впустить его. Лян Цзивэнь всегда убирал вещи после использования, так что ему нечего было скрывать.

— Товарищ Чжань Цзюцзян, здравствуйте, я пришел поблагодарить вас!

Дай Цилай, как только открылась дверь, почувствовал аромат еды, и, войдя в дом, он был поражен еще более сильным запахом. Он глубоко вдохнул, стараясь не выглядеть слишком голодным.

Чжань Цзюцзян, услышав голос, сразу понял, кто пришел, и, не успев как следует прожевать еду, быстро проглотил ее.

— Цилай, ты уже поел? Хочешь присоединиться? — Чжань Цзюцзян улыбнулся, но в душе сожалел о том, что не успел как следует насладиться креветками.

— Н-нет, я просто зашел узнать, как вы поживаете.

Дай Цилай с трудом сдерживал себя, чтобы не смотреть на еду на столе, и в душе ему стало немного горько.

Он достал что-то из сумки и тихо сказал:

— Это коричневый сахар, который моя мама собрала. Его немного, но...

Он снова взглянул на стол и, почти сквозь зубы, добавил:

— Возможно, вам это не нужно, но это знак ее благодарности.

Чжань Цзюцзян и Лян Цзивэнь почувствовали себя неловко. Дай Цилай был тем человеком, которого Чжань Цзюцзян спас в тот день. С тех пор он приходил всего четыре раза, и каждый раз его поведение было немного странным. Чжань Цзюцзян не ждал благодарности, но этот человек словно приходил только для того, чтобы доставить неудобства.

Хотя ему было неприятно, Чжань Цзюцзян продолжал улыбаться и вежливо отвечать:

— Что за разговоры о том, нужно ли это? Ты пришел, и это уже хорошо. Недавно мне прислали кое-что из родной деревни, возьми с собой для твоей мамы. Она ведь тоже переживала за меня все эти дни.

Дай Цилай угрюмо ответил:

— Нет, моя мама сказала мне поблагодарить вас, и если она узнает, что я что-то взял у вас, ей будет очень стыдно.

Он оглядел комнату и добавил:

— Мне пора, мама ждет меня на ужин.

Лян Цзивэнь проводил его.

Дай Цилай, выходя, обернулся и сказал Чжань Цзюцзяну:

— У нас действительно нет денег, в семье работают только я и мой отец, а нас больше десятка человек...

Он прикусил внутреннюю часть щеки и добавил:

— Я очень благодарен вам, но сейчас я не могу вас отблагодарить... Я обязательно сделаю это в будущем.

Сказав это, он опустил голову и убежал, словно за ним гнались.

Чжань Цзюцзян, после этого разговора, почти потерял аппетит. Лян Цзивэнь, видя, как он грустно ковыряется в рисе, подал ему ложку тофу.

Чжань Цзюцзян поднял на него взгляд, и Лян Цзивэнь, открыв ему рот ложкой, сухо сказал:

— Ты сегодня почти не ел тофу, съешь немного.

Чжань Цзюцзян обнял Лян Цзивэня за шею и поцеловал его, передавая вкус тофу.

Лян Цзивэнь давно не был близок с Чжань Цзюцзяном, и этот поцелуй, полный скрытого желания, зажег в нем огонь. Он полуобнял, полуподнял Чжань Цзюцзяна и посадил его к себе на колени, а губы, пахнувшие сморчками, скользили по его щеке.

— Цзюцзян, — прошептал Лян Цзивэнь, прикусывая его мочку уха.

— М-м...

Голос Чжань Цзюцзяна стал соблазнительным, его спина прижалась к груди Лян Цзивэня, а руки сжимали его рубашку, выгибаясь дугой, а голова запрокинулась назад.

Лян Цзивэнь одной рукой обнимал его за талию, а другой расстегивал пуговицы его рубашки, одновременно легонько поглаживая его тело, мягко, но с явным намеком.

Чжань Цзюцзян, щекотливый, пытался повернуться лицом к Лян Цзивэню, но его левая нога, зафиксированная доской, мешала ему. Лян Цзивэнь, поддерживая его за ягодицы, помог ему повернуться, одновременно сжав их пару раз. Он взял руку Чжань Цзюцзяна и приложил к своему члену, обняв его и прижав к себе, шепнул ему на ухо хриплым голосом:

— Расстегни молнию, помоги мне, и мы сделаем это вместе.

Чжань Цзюцзян мгновенно покраснел, но все же расстегнул молнию Лян Цзивэня. Поцелуи Лян Цзивэня затуманили его разум, а в руках он почувствовал, как тот становится все тверже.

Закончив, они оба были покрыты потом. Лян Цзивэнь, одетый, только с расстегнутой молнией на брюках и слегка помятой рубашкой, а Чжань Цзюцзян остался без рубашки, которая, только что купленная, была использована для вытирания белой жидкости и брошена на пол.

— Вечером пойдем гулять? — Лян Цзивэнь гладил гладкую спину Чжань Цзюцзяна, проводя пальцами вдоль позвоночника.

— М-м... Конечно.

Они сделали это только один раз, и Чжань Цзюцзян, который не был близок с ним почти месяц, был в восторге и не хотел отказываться.

Лян Цзивэнь погладил его упругие ягодицы, и снова почувствовал, как его член начинает возбуждаться. Чжань Цзюцзян, чувствуя это, с хитрой улыбкой взял его в руку и сжал пару раз, прежде чем засунуть обратно в брюки.

Лян Цзивэнь глубоко вздохнул, думая, что нога Чжань Цзюцзяна действительно мешает. Если бы не его травма, он бы уже давно начал действовать!

Лян Цзивэнь помог Чжань Цзюцзяну привести себя в порядок, открыл все окна и шторы, чтобы проветрить комнату, и доел оставшуюся холодную еду.

Весь этот процесс Чжань Цзюцзян наблюдал с кровати, тихо смеясь.

— Вэнь-гэ, э-э...

Лян Цзивэнь, открыв дверь, увидел Цзян Чжаолая. К счастью, он запер дверь после ухода Дай Цилая, и они оба говорили тихо, так что ничего не было слышно.

— Давай сначала заберем твою бабушку.

Лян Цзивэнь не совсем понимал, как правильно называть бабушку в семье Цзян, слыша, как брат и сестра называли ее и «бабушкой», и «внешней бабушкой», он просто использовал привычное для себя слово.

Сестра Цзян всю ночь провела на заводе, и только утром она узнала от Цзян Пинъань о том, что произошло, и почувствовала, что сильно обременила Лян Цзивэня.

Как только Лян Цзивэнь вошел, сестра Цзян подала ему чашку воды с сахаром, сладкую и вкусную.

— Выпей воды, мои дети доставляют столько хлопот, и вам приходится за ними присматривать, я просто...

Сестра Цзян искренне благодарила Лян Цзивэня и говорила с ним долго.

<http://bllate.org/book/16557/1511316>